

Елена Тищенко

Собака, кот и ворона

Майя

Каждое утро ко мне приходит Майя. Не иллюзия, а вполне реальная и не очень чистокровная соседская хаски. Собака с виду благополучная и упитанная. Но голос предков, тех, что попроще, постоянно ей твердит, что от жизни нужно брать больше, чем дают на завтрак и на ужин.

Следуя этому зову, она обходит все открытые домики и переворачивает мусорные ведра. Ее даже поругать нельзя. Белые глаза говорят тебе, что именно твой мусор помог ей выжить сегодня.

Иногда ее клинит. Как-то я несла подарок соседскому псу маленькую косточку с кусочком мяса. Откуда взялась эта Майя? Стекланный взгляд «вижу цель – не вижу препятствий» повел ее за добычей по моим босым ногам. Поцарапала меня и забрала косточку из рук. Я не рискнула вступить с ней в полемику, и пес остался ни с чем.

Позже оказалось, что от Майи есть заклинание. Когда в очередной раз она пришла переворачивать мое ведро, и я закричала: «Майя, иди домой!» – собака вдруг развернулась и ушла.

Во всем остальном она была идеальной. Дети с нетерпением ждали вечера, когда Майю выпустят гулять. Они обычно донимали Ларису просьбами выпустить Майю пораньше. Вместе с собакой они рыли огромную яму в песке и сидели в ней. Купались, гоняли по берегу и ездили верхом. Майя катала всех. Возила бы и взрослых, если бы им такое пришло в голову.

Но иногда в этой добрейшей души собаке просыпались другие ее предки. Это случалось, когда она видела котов. В один прыжок она оказывалась рядом и перекусывала им хребет. Может, поэтому в округе так мало котов? Хозяйские коты сидели по домам, а бродячие знали и сторонились.

Майя забеременела неизвестно от кого. Может, от черного лохматого пса? А может, от рыжего, тот помоложе. Беременность протекала нормально. Майя округлилась, даже похорошела. Вальяжно прогуливалась по берегу, с детьми не играла – берегла своих первенцев. А когда родила, щенков пришлось утопить. Содержать дорого и продать невозможно – ни один не был похож на хаски. Щенята получились черные, рыжие, пятнистые. Какие угодно, только не породистые. Лариса позвала соседку, отдала ей слепых щенков, и больше их никто не видел. После тяжелых родов Майя оказалась слишком слаба, чтобы бороться за своих детей. Она не смогла подняться и только проводила их взглядом, полным отчаяния.

Майя поправилась, но у нее началась депрессия. Ее хозяйка уже жалела, что не оставила хотя бы одного. Две недели днем Майя их искала по дому, а по ночам тихо выла. Не ела. Только пила иногда и смотрела в пустоту. Ни дети, ни прогулки не могли вывести ее из этого состояния. Лариса плакала. Так продолжалось еще недели две. Майю даже возили на капельницы с глюкозой, чтобы она не сдохла. Но время лечит, и постепенно Майя стала выходить из дому. Когда я увидела ее у своего мусорного ведра, даже обрадовалась – кризис миновал.

Однажды вечером мы стояли с Ларисой у домика и болтали. Из-за угла показалась Майя с рыжей шкуркой в зубах.

– Майя, иди домой!

– Майя, фу!

Майя остановилась, расставила ноги, бережно положила шкурку на землю, глянула на нас в упор и оскалила зубы. Перед нами стояла уже не Майя, а какой-то Белый Клык. Убедившись, что ее правильно поняли, Майя так же бережно подняла шкурку с земли и пошла к себе во двор. Лариса побежала за ней.

Через пару часов она пришла с двумя бутылками пива:

– Давай выпьем, а то я не усну! Представляешь, бегу я за ней и не хочу знать, что увижу. Мясо, косточки и клочки рыжей шерсти? Прибегаю во двор, гляжу, лежит этот кошонок распластаный, но живой, а моя Майя толкает к нему ему свою миску с молоком. Зубами сняла со штатива... Представляешь?

– Круто! Не съела, что ли?

– В том-то и дело, что нет! Я стою, смотрю, что будет дальше. Внутри уже попустило. И тут она поднимает на меня свои белые глаза и просит: «Сделай что-нибудь!». Ну, я побежала, взяла пипетку, набрала туда молока и давай этого малого поить. Он оклемался, попил. Спят теперь в обнимку! Дурдом какой-то! Я чуть с ума не сошла.

– Так ты теперь стала бабушкой?

– Ой, не издевайся... Давай, допиваем, и я пошла домой, а то сердце не на месте.

Сутки Майи не было видно. Ларисы тоже. Я подумала, что если бы случилось что-то плохое, Лариса бы уже была здесь с пивом, и мы вместе бы оплакивали очередную жертву. Даже дети не смогли выманить Майю тем вечером, никакие косточки не помогли.

Через день мы увидели гордую Майю. Рядом с ней шатался рыжий котенок. Шатался в прямом смысле слова – огромный живот мешал ему ходить. Майя не отпускала его от себя. Когда она торопилась по делам, то брала его в зубы, бежала, потом бережно опускала на землю.

– Интересно, я смогу прокормить двух обжор? – спрашивала себя Лариса, глядя на нового члена семьи. – Она его по себе выбирала?

– На Колобка похож. Интересно, что он ей спел, когда она сказала: «Колобок-колобок, я тебя съем»?

– Что-то убедительное, видимо. Точно Колобок. Так и назовем! Майя и Колобок! Хотелось бы что-то аристократическое, но Майя тоже не голубых кровей.

Материнство пошло Майе на пользу. Истребление котов и набег на мусорные ведра прекратились.

Сладкая парочка

Во дворе живет кот, который любит ходить по веткам. На дереве он не спит, но много времени проводит там в размышлениях. Сегодня опять бродил, думал о высоком...

Еще во дворе живут вороны, которые воруют у котов еду. А ведут себя, как будто это коты их объедают. Одна, то есть один, довыпендривался, и его съели.

И вот стоит этот кот с растерянным выражением лица, на него по ветке надвигается ворона и орет:

– Ты шо, котяра позорный, возомнил о себе? Ты шо, думаешь, шо ты птица, блин! Вали отсюда! Рожденный ползать летать не может!

– Да я не летать, я так... мне тут просто хорошо, я не имел это в виду...

Согнала-таки его с дерева. Но он вернется, как только улетит эта дура.

Деревом ворона почти не пользовалась. На ветку она садилась, когда нужно было высмотреть кусок повкуснее, да кота погонять. Кота она доставала из гнусности или еще из каких-то внутренних побуждений.

Дня два его не было видно. Вороны тоже улетели по своим делам. Прилетали только на обед, который кошачья мама, баба Люба, теперь готовила для двух компаний: котов и ворон.

Но на третий день стоило коту расположиться на дереве и начать мечтать, эта скандалистка оказалась тут как тут и давай его задирать:

– Ты опять сюда приперся? А ну, давай, проваливай! Котам место в подвалах и на мусорниках. На деревьях живем мы – гордые птицы!

– Вы тоже живете на мусорниках. И я никуда отсюда не уйду.

У вороны от возмущения перехватило дух. Она взлетела и клюнула его в лоб. Не больно, но обидно. Кот насупился, но остался на месте. При второй попытке отвесил ей такую оплеуху, что ворона чуть с курса не сбилась.

Озадаченная, она уселась рядом с ним и спросила:

– Тебя как зовут?

– Не знаю, не помню уже. По-разному каждый раз звали.

– Ладно, будешь просто Котом. А меня – Кара! Я сама себя назвала. Я – птица самодостаточная.

– Если ты такая самодостаточная, почему другим жить мешаешь?

– Я не мешаю. Просто во всем должен быть порядок. Птицы живут на деревьях, коты живут в подвалах.

– Коты живут и на чердаках, и вообще, живут, где тепло. На дереве они приходят гулять, и я не заметил тут твоего гнезда.

– Моего гнезда тут нет. У меня вообще гнезда нет. А могло бы быть, если бы этот серый убивец не загрыз моего Карлушу. Мы как раз собирались вить гнездо и рожать детей.

– Мне очень жаль, что так получилось.

Кот внимательно посмотрел на нее. Это она от неустроенности, наверное, такая противная. Ворона поняла, что сболтнула лишнего, и принялась каркать на тему, как должны вести себя нормальные коты:

– Ты какой-то недокот! Ты хоть раз на кошку взбирался? Так, чтобы результат был?

Она попала в большое место. Кошек во дворе было не так много, и весной к ним стояла очередь. Драться и вести себя грубо с дамами он не мог, поэтому всегда проигрывал. Один раз к ним зашла такая приятная домашняя кошечка. Она даже строила ему глазки. Но пока он решил с ней заговорить, прибежал «убивец Карлуши» и отогнал его. Вот он и перестал пытаться. Когда становилось совсем невмоготу, орал у себя на ветке. Когда отпускало, опять сидел и мечтал. Да, наверное, ворона права, он недокот. Должен был родиться кем-то другим.

Он слышал, что коты живут девять жизней, но в этом теле и с таким характером все девять жить не хотелось.

Ворона сделала вид, что потеряла к нему интерес, и улетела. Точнее, не улетела, а перебралась на пару веток выше и наблюдала за ним. Кот чувствовал ее взгляд, но головы не повернул: «Дался я ей! – думал он. – Ходил себе, никого не трогал, а теперь – прощай, покой. У этой своей личной жизни нет, так она и цепляется ко всем, поучает. Хоть бы уже своих учила... Тоже недоворона какая-то».

Теперь кот гулял по веткам, когда хотел. Он чувствовал, что отвоевал это право, и гордился собой. Не каждый из его компании рисковал связываться с воронами. Даже Серый, тот самый «убивец Карлуши», не часто гонял этих шумных птиц. А Карлушу загрыз, потому что тот совсем обнаглел и украл Серого еду. Съел в назидание другим, так сказать.

– Эй, ты, Недокот, хочешь, покажу что-то?

Эта ворона точно не даст ему жизни. Выдержки у нее хватило ровно на два дня.

– Что ты можешь мне показать?

– Пошли на крышу, увидишь! Или третья ветка от земли – твой предел?

Она знала, что это не так. По ночам кот любил сидеть на крыше и смотреть на звезды, но шанса поиздеваться она не могла упустить.

– Давай, я полетела, а ты уже смотри, как доковыляешь.

Пока она могла его видеть, кот медленно нехотя спускался с дерева и так же неспешно шел к подъезду. Внутри помчался наверх изо всех сил и через две минуты был на крыше.

Ворона, конечно, сидела там и делала вид, что уже успела состариться:

– Ну? Что там у нас? Одышечка, крепатурка, тахикардийка?

– Я сейчас уйду.

– Ну, ладно-ладно... Ты так умеешь?

Она пошла по верхним ребрам шифера, широко расставляя ноги.

– Ворона, ты дура. Птицы, вообще-то, прыгают, а не маршируют так.

– Во-первых, я Кара. Во-вторых, много ты понимаешь! Когда я так хожу, я лучше думаю.

– И о чем же ты думаешь?

– О бренности бытия, например.

– Лучше бы думала, как тебе найти себе парня, а не о бренности или о том, как должны себя вести коты.

– Такого, как Карлуша, я себе уже не найду, а все остальные – придурки. Не такие, как вы, коты, но все равно. У них только одно на уме! А мне поговорить интересно.

Она продолжала маршировать туда-сюда, и у кота зарябило в глазах:

– Ты можешь сесть? У меня от тебя голова кружится.

Ворона пришагала к нему, скосила голову, что-то хотела сказать, но решила промолчать и села.

– Чего это коты придурки?

– Чего?! Вы вообще разленились до такой степени, что ничего уже не можете! Коты – хищники! Вы должны ловить мышей и крыс! А вы? Лежите целый день и ждете, пока бедная баба Люба вам принесет первое, второе и десерт в разных кастрюльках! Все, на что вы способны, – это орать по ночам и будить всех!

От возмущения она то и дело взлетала, потом садилась, потом шагала, но недалеко. Возразить коту было нечего – ворона, в общем, не ошиблась.

Они стали чаще гулять. Недокот и недоворона. Сначала над ними смеялись. И коты, и вороны. Называли «сладкой парочкой». Потом привыкли и перестали обращать внимание. Коту даже казалось, что кошки начали посматривать на него с интересом, а коты не гоняли Кару.

То они вместе сидели на дереве, то на крыше. Ворона больше любила на крыше, потому что там она могла вышагивать, заложив крылья за спину, и учить кота жить. Иногда он ее не слушал, а иногда понимал, что она права. Вот только бы вместо советов залезла бы к нему внутрь и показала, как надо.

В тот день они сидели на дереве. Внизу мальчишки строили что-то из камней. На ветке шагать было некуда, поэтому ворона сидела рядом и слушала кота. Впервые она молчала больше пяти минут. Он рассказывал ей, как ему хорошо жилось в детстве. Совсем маленьким его взяла к себе старушка. Старушка была одинокой и любила его, как ребенка. Потом старушка умерла, и его выбросили на улицу. Там его избили, и он думал, что умрет. Потом старый кот показал ему двор, где баба Люба всех кормит. Вот, наверное, поэтому он не такой, как все коты.

– Что же ты мне сразу не сказал? – подпрыгнула Кара. – Ты бы у меня уже тут главнее Серого был, если бы я раньше узнала! Значит, слушай, я хороший психолог. Все твои проблемы от условных

рефлексов. Они приобретенные и не навсегда. Рефлексы хищника – безусловные, они у тебя в крови. Осталось только изменить твои условные рефлексы и...

Краем глаза он увидел, как в ворону летит камень, и прыгнул. Свет разбился на тысячу осколков, и наступила ночь.

Кот проснулся и открыл глаза. Один открылся полностью, другой наполовину. Голова болела так, как тогда, в детстве, когда его побили. «Значит, живой, – подумал он. – Интересно, это уже другая жизнь или все та же?»

Он лежал, укрытый листьями и ветками. Под носом вкусно пахла рыбешка. Принюхался, даже попробовал есть.

– Наконец-то, лежебока! Развалился тут, разлегся! Конечно... На всем готовом... Почему бы и не поваляться?

Странно, но он рад был слышать ее карканье. Может, потому что жив...

– Это ты, что ли, меня накрыла?

Ворона быстро засобиралась и куда-то улетела, а проходившая мимо кошка сказала:

– Твоя сладкая парочка три дня от тебя не отходила, гоняла всех.

